

Краснокутский Александр Григорьевич

**Дневные записки поездки в
Константинополь Александра
Григорьевича Краснокутского в
1808 году, самим им писанные**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Григорьевич К.**
Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году, самим им писанные / Краснокутский Александр Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 128 с.

ISBN 978-5-519-90937-2

ISBN 978-5-519-90937-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вольспвіемъ исполняю нвое желаніе. Ты не найдешъ въ Запискахъ моихъ ни вишійспва, ни запѣйливости слога; въ нихъ замѣчалъ я простио все то, что видѣлъ, что слышалъ, и все то, что говорилъ по времени, обспоятельстввамъ и по сердечнымъ чувспвамъ моимъ.

Я уже писалъ къ тебѣ, что покойный Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, по благосклонности своей ко мнѣ, отправилъ меня съ важными денешами прямо къ Верховному Визирю Мустафѣ Пашѣ (*). Не распроспраняюсь болѣе объ этомъ; всѣ обспоятельствва моей поѣздки подробно означены въ Запискахъ, которыя, по чувспву сыновней горячности, посвящаю нѣжному и почтенному моему Родителю.

(*) Извѣстному подѣ именемъ *Мустафы Байрактара*.

Прощай; мы скоро опять встретимся съ непріятелемъ. Осилавляю перо; и что сдѣлаютъ Рускіе штыки не премину тебѣ о томъ увѣдомишь.

А К

4 Сентября, 1809 года.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

А. Г. КРАСНОКУТСКАГО.

1808, *О к т я б р я* 23.

Въ пять часовъ по полудни выѣхалъ я изъ города Букареста въ Константинополь, куда отпращенъ былъ отъ Фельд-маршала Князя Александра Александровича Прозоровскаго съ *делешами* къ тогдашнему Великому Визирю Мустафѣ-Пашѣ, извѣстному въ Европѣ подъ именемъ Байракшара. Хотя я старался непремѣнно прибыть къ ночи въ Рушукъ; но сильный и непрерывный дождь остановилъ меня: я принужденъ былъ ночевать на послѣдней почтѣ отъ крѣпости Журжи, въ деревнѣ Петрѣ.

24 *О к т я б р я*.

Изъ деревни Петры отправился я до свѣту, и въ семь часовъ поутру прибылъ въ Журжу. Вътрѣ былъ жестокий; я опасался, что онъ не позволилъ мнѣ

переправиться чрезъ Дунай. По прїѣздѣ моемъ въ Журжу улицы были пуспы; всѣ Турки еще спали. У всякаго народа свои установленія и обычаи. Во время поста Рамазана Турки гуляютъ ночью, а днемъ спятъ; къ тому же была стужа чрезвычайная.

Съ переводчикомъ моимъ пошелъ я въ крѣпость къ тамошнему Комменданту Эдимъ-Пашѣ, который давно мнѣ былъ знакомъ. Изнѣженнымъ Воспочнымъ жителямъ и Октябрскій холодъ несносенъ: Паша сидѣлъ на дворѣ, окутавшись нѣсколькими шубами и шалями: подъ нимъ разоспланъ былъ коверъ; онъ совершалъ упреющую молитву свою.

Паша тотчасъ меня узналъ, поздоровался со мною съ важнымъ и угрюмымъ видомъ. Я не удивился этому. Переводчикъ мой, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ, узналъ довольно Турецкіе обычаи: по словамъ его, Турки всегда бываютъ скучны въ постъ Рамазанъ.

Увѣдомя Пашу для чего я отправленъ отъ Фельдмаршала къ Верховному Визирю

Мустафѣ-Пашѣ, просилъ, чтобы меня безъ замедленія переправили черезъ Дунай. Паша убѣждалъ подождать, и показывая на Дунай, говорилъ, что уже два дни, за сильнымъ волненіемъ рѣки, никто не отваживается переправляться; при томъ же вчера утонула одна лодка, а сего дня вѣпрѣ еще жесточе дуетъ. На убѣжденія Паши я отвѣчалъ, что Рускіе Офицеры привыкли исполнять предписанное, не разсуждая объ опасностяхъ. Паша наконецъ согласился. По особенной снисходительности онъ самъ пошелъ на берегъ и безопговорочно приказалъ гребцамъ меня перевозить. Они долго колебались: деньги превозмогли страхъ. Люди вездѣ люди.

Мы поплыли. Дунай съ шумомъ ревелъ подъ нами. Пѣнішья волны сильно ескидывали нашу лодку, и каждую минуту грозили насъ поглотить. Нѣскольکو разъ были мы на краю гибели; казалось, что разгнѣванный Дунай хотѣлъ наказатъ меня за дерзость, а гребцовъ за корысть. Товарищи мои блѣднѣли и съ жалоспными воплями произносили:

ишѣ Алла ! то есть: надежда на Бога. Три часа боролись мы съ волнами и непогодю ; наконецъ благополучно прибыли въ Руцукъ, гдѣ я обыкновенно останавливался въ домѣ Армянъ, братьевъ Богосовъ. Я заспалъ одного брата, а прочіе уѣхали въ Константинополь. Въ Руцукъ также просилъ я о скорѣйшемъ отправленіи, въ чемъ Турки крайне медлительны. Живость и дѣятельность Европейцовъ несогласна ни съ образомъ жизни, ни съ нравами ихъ. Можно однако припомнить, что въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ жили нѣкогда люди, совершенно различные и нравами и образомъ мыслей.

Между тѣмъ пошелъ я къ Аджи-Бекеръ-Агѣ съ письмомъ отъ Генерала Милорадовича, и путь, не смотря на прозбы мои, по Турецкой мѣшкапности, продержали меня до вечера. Потерявъ цѣлый день, въ восемь часовъ, съ восхожденіемъ луны, отправился я въ Константинополь верхомъ, въ сопровожденіи одного Тапарина и своего переводчика.

Отъ Гуцука до города Разграда, гдѣ первая перемѣна, ѣзды двенадцать часовъ или 60 верстѣ. Я пріѣхалъ въ при часа по полуночи.

25 Октября.

Отдохнувъ немного и перемѣня лошадей, отправился я до города Джумы, до котораго ѣзды отъ Разграда шесть часовъ. На дорогѣ ничего не видалъ примѣчательнаго, кромѣ частыхъ и прекрасныхъ водометовъ, изобилующихъ прозрачною водою. Восточные жители любящъ украшать дороги всѣмъ тѣмъ, что можетъ увеселить и успокоить путешественника: сей обычай можно отнести къ гостепріимству ихъ. Они какъ будто бы и заочно хощащъ угощать странниковъ!

Отъ Джумы до города Османъ Пазара ѣзды также 12 часовъ. Я пріѣхалъ туда по полудни, крайнѣ заболѣвъ дорогою. Боясь разнемочься, пустился до города Сливны; хощя почувствовать чрезмѣрную слабость, однако продолжалъ путь, и черезъ нѣсколько времени мнѣ стало гораздо легче.

Отъ Османъ Пазара до города Сливны считающъ 14 часовъ ѣзды черезъ Балканскія горы; мнѣ показалось по крайней мѣрѣ тридцать часовъ.

Какимъ ужасомъ поражаетъ взоры угрюмый и печальный видъ Балканскихъ горъ! Нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчнымъ туманомъ и снѣгомъ; вершины другихъ исчезаютъ въ облакахъ: кажется, что природа, съ дикаго чела ихъ угрожаетъ гибелью путешественникамъ, дерзающимъ къ нимъ приблизиться. По каменнымъ скаламъ едва можно ѣхать верхомъ, и я не могъ довольно надивиться, какъ приучены лошади ходить тамъ, гдѣ вся земля усѣяна грудями камней. Горе путешественнику, еслии лошадь его спотыкнется: гибель его неизбежна! Около 20 верстъ пробирался я узкою пропункою. Съ одной стороны каменная утесистая гора, до вершины которой не могутъ досягнуть взоры; съ другой ужасная бездна. Шумъ водопадовъ непрестанно раздается въ горахъ и усугубляетъ мрачность сего необычайнаго зрѣлища.

Темные и дремучіе лѣса, облегая всѣ вершины, не пропускаютъ солнечныхъ лучей на путешественниковъ. Осенью здѣсь самая опасная ѣзда. Я принужденъ былъ иногда по десяти верстѣ идти пѣшкомъ, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гололедица; и насилу велъ лошадь по сему скольскому пути. Турецкія подковы не только не предохраняютъ, но еще умножаютъ скользкость.

Балканскія горы простираются до 70 верстѣ; пробѣгая оныя, переходилъ я изъ одного времени года въ другое. Двадцать верстѣ ѣхалъ я зимою, осьмнадцать осенью, пятнадцать весною; у перемѣны встрѣпилъ лѣто.

Приближаясь къ почтѣ, очутился я на вершинѣ горы. Новое и очаровательное зрѣлище представилось взорамъ моимъ: съ одной стороны сіяло солнце во всемъ блескѣ: долины и поля зеленѣли; съ другой, на льдистыя высоты сыпался снѣгъ. Долго разсматривалъ я такую удивительную противоположность природы, которая напоминала мнѣ о такихъ же противоположностяхъ жизни и свѣта.

Здѣсь ужасъ и пріятность смежны между собою. И въ жизни горестъ на шагъ отъ радости!

Въ то самое время, когда наслаждался я разсматриваніемъ природы и предавался размышленіямъ, провожавшій меня Ташаринъ слѣзъ съ лошади, разоспалъ верхнюю одежду свою на камнѣ, и съ умиленіемъ началъ молиться Богу, благодаря за щастливый переѣздъ черезъ горы, гдѣ угрожали намъ столько опасностей. Изъ глубины сердца моего такое же усердное моленіе возносилось къ небесамъ! Въ сію минуточку припомята величественное выраженіе священнаго Пѣснопѣвца: *коснешся горамъ, и воздымаются!* мнѣ казалось, что съ грознаго чела Балканскихъ вершинъ курилась жертва Творцу Природы.

Удивительно, какъ могли люди поселиться въ сихъ горахъ. Но они привыкли къ нимъ: они не промѣняють ихъ ни на какія другія мѣста. Привычка все украшаетъ: сердце любитъ родную сторону.